

П. С. Магомедгаджиева

**КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОВЕСТЯХ ФАЗУ АЛИЕВОЙ
«СУДЬБА» (1964), «РОДНИКИ РОЖДАЮТСЯ В ГОРАХ» (1977)
И «СВОЙ ПОЧЕРК» (1987).**

*Работа представлена кафедрой литератур народов России и Кавказа
Дагестанского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. М. Вагидов

В статье раскрывается внутренний мир женщин горянок – героинь повестей Фазу Алиевой «Судьба» (1964), «Родники рождаются в горах» (1977) и «Свой почерк» (1987), которым пришлось пережить переход от «старого» дореволюционного уклада жизни Дагестана к «новому» для того времени социалистическому строю.

The article reveals the inner world of the women-mountaineers – heroines of Fazu Alieva's stories «Destiny» (1964), «Springs are born in mountains» (1977) and «One's own handwriting» (1987), who had to live through the transfer from the «old» pre-revolutionary lifestyle pattern of Dagestan to the «new» socialist system.

Нынче провозглашается, что настали времена, когда «советская эпоха из предмета ритуального поругания превратилась в предмет изучения, не менее заслуживающий объективного подхода, чем любой другой»¹. Советская литература – тоже. Руководствуясь подобными, позитивными, утверждениями мы попытались проанализировать повести Ф. Алиевой «Судьба»² (1964), «Родники рождаются в горах»³ (1977), «Свой почерк»⁴ (1987).

Анализируя данные повести, мы обнаруживаем неоднородность характеров и обстоятельств, воссозданных в них. Из повести в повесть переходят различные категории персонажей. Внутри каждой из этих категорий оказываются персонажи, совершенно несходные по своей психологии, характеру, уровню культуры, относящиеся к разным эпохам, наконец. Но их объединяет тяготение к определенному типу взаимоотношений с окружающим миром.

Одна категория выделяется своей архаичностью. Это категория людей «прежнего времени», от которого современный человек уже отрезан необратимыми социально-экономическими и культурно-нравственными переменами. К этой категории принадлежат Омар, Кади, Рахимат, Абидат («Родники рождаются в горах»); Халимат, Кази, Ханича («Судьба»), Айзанат («Свой почерк»). На фоне молодого поколения этих людей отличает своеобразное чувство собственного достоинства. Людям такого типа достаточно сознавать, что они действуют и живут сообразно традициям и обычаям. Этого вполне достаточно для того, чтобы уважать себя независимо от всего остального. Это происходит потому, что существующее положение вещей для многих из них освящено оправданиями высшего порядка; они верят в предопределение

и в волю Аллаха: «Каждый человек должен благодарить бога за ту судьбу, которую ему дал. В споре с богом человек не может победить»⁵. В современном миропорядке «люди прежнего времени» приемлют далеко не все в нравственно-социальной сфере. Многие законы новой жизни, многие черты нравов современных людей их отталкивают: посещение женщиной школы, ее участие в общественной жизни, отрыв молодежи от земли, от села и т. д.

А то, что девушка не учится, не принимает участия в жизни села, выходит замуж по воле родителей, замыкается в кругу семьи – представляется им естественным и справедливым. В сознании «прежних людей» мужчины и женщины разделены категорически. Отношения господства мужчин и подчинения женщин воспринимаются ими как «от Аллаха данные», вечные и неизменные. Для женщин «прежнего времени» характерна терпеливость, покорность и безграничное подчинение мужчине, будь он отцом, братом, сыном или мужем. Фазу Алиева в своих повестях, изображая «людей прежнего времени» не дает повода нам в этом сомневаться: разгневанный Омар выгоняет жену, при этом не считается со своей матерью и не обращает внимания на то, что дочери нужна мать. Узнав о том, что Гулишат ушла к Юсуфу, ее дядя Зульфукар ищет кинжал, чтобы убить ее и смыть с мужчин своего рода этот «позор ее кровью», при этом абсолютно не интересуясь подробностями и причиной происшедшего. Примеров ущемления мужчинами прав женщины очень много. Для человека прежнего времени такая иерархия – не просто данность. Тут еще действует санкция общенародной традиции, опирающейся на живую силу обычая-адата, для всех родного и кровного. Такой порядок вещей закреплен в исла-

ме, нормы которого даны раз и навсегда. Такова воля Аллаха, и она не может быть изменена людьми. Этим все оправдано и урегулировано. Такое положение оказывается по-своему почтенным, и унижить не может. Унизительным, недостойным может быть лишь несоответствие такому порядку. Для Омара традиционные цели, представления, формы жизни оказываются естественными, а религиозно-нормативное – личным, собственным. Поэтому для него характерна незыблемость мировосприятия, безоглядная уверенность в поведении, категоричность.

Эти воплощения «прежнего времени» нужны Фазу Алиевой для того, чтобы современность предстала в отчетливой соотнесенности с прошлым, – как следствие распада, отрицания и трансформации былого. Возникающие контрасты, замеченные героями и повествователем, наглядно отмечают, как далеко этот процесс зашел, и куда он ведет. А ведет он к разнообразию взаимоотношений между людьми, к утверждению ценности всесторонне развитой личности горянки, к улучшению жизненных условий горцев. Теперь горянка, в принципе, может сама решать, как и для чего ей жить. К этому решению пришла Сидрат, пройдя через напряженную внутреннюю борьбу, победив страх перед людским осуждением и осилив страх перед отцом. К такому же решению пришла Сакинат, но пройдя совсем иной жизненный путь.

«Литературный герой, если он тип, представляет свою среду и себе подобных. Это одно из его форм, но формы тут возможны разные. Литературный герой может представить опыт жизни – мысли и чувства, опыт всех испытаний, страданий и радостей человека»⁶.

В повестях Ф. Алиевой перед нами предстают типы уже известные, получившие определенную оценку в общественном сознании: Юсуф, Гусейн, Рашид, Билал, Пахрудин – все они относятся к типу энергичных молодых людей, активно борющихся с пе-

режитками прошлого, с предрассудками, мешающими утверждению новой жизни.

Гулишат, Сидрат, Залму, Карижат – тип героинь-горянок, утверждающих всей своей жизнью право на труд, на учебу, на личную жизнь и другие права свободной личности. Для дагестанской литературы 1950–70-х гг. темы любви, эмансипации горянки, становления нового человека и борьба его за новую жизнь, – были магистральными, поэтому обращение Ф. Алиевой к ним закономерно. Эти темы отразились в творчестве Р. Гамзатова («Горянка»), Ахмедхана Абу-Бакара («Даргинские девушки»), Магомедрасула («Дикарка»), К. Абукова («Зов разлученной птицы») и др.

Главными темами повестей 1950–60-х гг., были «темы возвращения с войны и колхозной жизни. Темы эти позволяли авторам говорить о героизме дагестанцев на войне и в тылу, раскрывать новое в менталитете горца, ставшего гражданином победившей отчизны, гордого своей работой в колхозе, обеспечивший ему счастливую жизнь»⁷ (А. Мудунов «В родном селе», А. Аджаматов «В кумыкской степи»; «Чегери», «Даргинские девушки» А. Абу-Бакара и др.).

Для анализируемых нами повестей Ф. Алиевой характерен «архетипический сюжет»⁸, в котором немалую роль играют перипетии – всевозможные повороты от счастья к несчастью, от удачи к неудаче или наоборот. Благодаря им (перипетиям. – П. С.) жизнь вырисовывается как арена счастливых и несчастливых стечений обстоятельств, которые неожиданно сменяют друг друга. При этом герои изображаются находящимися во власти судьбы и случая («не прогадай свою судьбу», «судьба»). Следованием традиционному сюжету является в повестях финальный эпизод (развязка или эпилог), если и не счастливый (в «Судьбе»), то, во всяком случае, успокаивающий и примиряющий (в «Родники рождаются в горах»). Гармонизирующие воссоздаваемую реальность финалы несут воздаяния лучшим и знаменуют возмездие худшим (вспомним

Юсуфа, Загида из «Судьбы», Баху – Меседо, Кавсарат из «Своего почерка», Абидат и Омара из повести «Родники рождаются в горах»).

Подобные сюжеты характеризуют представление автора о бытии, о мире как упорядоченном, гармоническом и имеющем смысл. Данную мысль подтверждают описания природы, проникнутые лирическими размышлениями автора: «Печаль ее (реки. – П. С.) окутывает тебя, как темной шалью, как серым туманом, в душе поселяется новый, доселе незнакомый мир. Начинаешь осознавать, что речка эта не просто течет, у нее своя жизнь, свои устремления, победы и поражения»⁹.

Свободное обращение с хронологией, объединение и сопоставление событий разных времен служит достижению глубины раскрытия характера главной героини, кроме того, появлению разных планов, динамике изображения. Реконструкция временного опыта через память персонажей позволяет устанавливать связи между эпохами, отрезками социальной и частной жизни, между поколениями. Внутренним стержнем повествования во всех трех повестях является переживание по поводу событий прошлого и своих поступков.

Тема войны затрагивается во всех трех повестях. Это объясняется тем, что «трагедия и патетика войны, раз тронув человеческое сердце, не дает забыть о себе, напоминает денно и нощно, заставляет выписывать себя, отделяться от себя и не дает отделаться»¹⁰.

История литературы рассматривает место произведения в литературном процессе. Необходимо поэтому не только соотносить между собой произведения одного автора, но и поставить их в контекст всего того, что мы знаем о нем, о его жизни, мировоззрении, приемах работы, о других его сочинениях. А. Н. Веселовского художественная индивидуальность, личность (Рабле, Боккаччо, Данте) интересует как выразительница культурного сознания определенного времени и среды: «Скажите мне как

народ жил, и я скажу, как он писал»¹¹. Изучение произведений на фоне жизни писателя дает представление о единстве и об общем смысле его творчества.

«Не бывает и быть не может большого художника, чьи произведения не были бы зеркалом его личности. В дагестанском литературоведении и литературной критике никогда не обращали какого-либо внимания на личность художника слова. Между тем яркие и самобытные личности Ирчи Казака и Батырая, Етима Эмина и Махмуда, а в советское время Сулеймана Стальского и Гамзата Цадасы, Алим-Паши Салаватова и Рабадана Нурова, Муэтдина Чаринова и Алибека Фаттахова заслуживают серьезного изучения. Познание личности писателя позволяет глубже понять и по достоинству оценить и его творчество»¹², – писал в 1970-е гг. исследователь дагестанской литературы Камиль Султанов, указывая на пробелы в изучении творческой биографии писателей Дагестана. К сожалению, эти пробелы на сегодняшний день остались незаполненными.

Обращение к биографии самой Фазу Алиевой позволяет нам понять многое в исследуемых нами повестях. Во многом, что написано Ф. Алиевой, есть автобиографический подтекст, в повестях, анализируемых нами, – тоже. Детство Гулишат («Судьба»), Залму («Свой почерк»), с ранних лет оставшихся сиротами и воспитанных бабушками, потому что матери с утра до ночи пропадали в поисках куска хлеба для своих сирот, во многом напоминает нам детство самой Фазу Алиевой: «В маленькой глинобитной сакле жили мы, дети военных лет. Чтобы мы лучше постигали настоящее, бабушка все время обращалась к притчам, былинам. По вечерам у очага мы в рот смотрели сказительнице. Я не только слушала бабушкины рассказы – была их главной героиней»¹³.

Наш взгляд, подтверждают и воспоминания самой Фазу Алиевой: «Однажды бабушка набросила на мои плечи голубой ситец с белыми горошинами: “Если сошьешь

из него себе настоящее платье, такое, чтобы из шва не вытекала вода, если даже заполнишь его, как кувшин до краев, тогда ты найдешь в кармане золотую иголку»... Скроила мне платье бабушка, а я начала шить. Показываю шов. «Не годится, между строчками пройдет всадник на коне!» – заявляет бабушка. Распарываю раз, два, три... И уже теряю счет. Пальцы мои исколоты, болят руки, ломит спину... Я впала в отчаяние. Но желание найти волшебную золотую иголку и достичь, как мне твердила бабушка, своего почерка, брало вверх, давало стимул... И вот настал день, когда мне разрешили пришить карманы. С дрожью в сердце я сунула руку в карман и – какое чудо! В руке – золотая иголка! Не знаю, то ли бабушка заказала мастеру медную иглу, то ли смазала ее какой-то кислотой, но она горела на солнце!»¹⁴ Читая эти строки, невольно вспоминается героиня повести «Свой почерк» Залму, трудящаяся под руководством разумной и любящей тети Карижат над первым в своей жизни вышитым шелковым платком.

Еще Фазу писала: «Иногда приходится слышать: “Я маленький человек”. Нет маленьких и больших людей, есть маленькие

и большие позиции, есть непоколебимое мужество, которое все тверже и сильнее становится, когда встречаются трудности и приходится преодолевать их. Есть слабость, когда человек и перед маленькой трудностью опускает руки»¹⁵. Ее лучшие героини мужественно переносят удары судьбы, тяжести исторического времени и быта, доказывая свою причастность к большой позиции.

Художественная ценность произведения определяется по тому, «каким образом и насколько успешно они осваивали действительную конкретно-историческую взаимосвязь между судьбой отдельного смертного и судьбой всего человечества»¹⁶. Вступая в жизнь героини Фазу Алиевой руководствуются ответственностью перед самими собою. Двумя-тремя десятилетиями раньше они могли бы быть лишь Пати из «Чохто» Цадасы Гамзата. Но сейчас другое историческое время, другая действительность. Теперь самоценный характер оригинальной конкретно-исторической личности горянки поставлен перед дилеммой – или отказаться от самой себя и стать «средним индивидом» дагестанской среды, или, до конца оставаться собой и быть на авангарде, нести другим свет и добро.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Завьялов С. Перипетия и трагическая ирония в советской поэзии // Новое литературное обозрение. № 59. 1' 2003. С. 244.

² Алиева Ф. Г. Судьба: Повесть / Перевод с аварского А. Н. Павлова. М.: «Советский писатель», 1966. С. 2–216.

³ Алиева Ф. Г. Родники рождаются в горах. М.: «Советская Россия», 1971. С. 2–189.

⁴ Алиева Ф. Г. Свой почерк // Два персика. М.: Сов. Писатель, 1990. С. 4–154.

⁵ Алиева Ф. Г. Судьба. С. 72.

⁶ Гинзбург Я. Я. О литературном герое. Л., 1979. С. 220.

⁷ Вагидов А. М. Повесть 1950–90-х годов: проблемно-тематические и жанрово-стилевые поиски // Дагестанская проза второй половины XX века. Махачкала, 2005. С. 134.

⁸ Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. С. 254.

⁹ Алиева Ф. Свой почерк. С. 11.

¹⁰ Гусев В. Герой и стиль. М.: «Художественная литература», 1983. С. 114.

¹¹ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1946. С. 273.

¹² Султанов К. Эфенди Капиев. Его личность и литературно-критические взгляды // Этюды о литературе Дагестана. М., 1978. С. 124.

¹³ Алиева Ф. Путь к слову // Полное собрание сочинений: В 12 т. Махачкала, 1999. Т. 1. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Волков И. Ф. Теория литературы. М.: «Просвещение», 1995. С. 228.